

М. В. Антонов

НИУ «Высшая школа экономики» (г. Санкт-Петербург)

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ПРАВА (К ЛОГИКЕ НОРМАТИВНЫХ СИСТЕМ)*

Аннотация. В настоящей работе рассматривается проблематика системности права, вопросы структурирования нормативного материала. Опираясь на концепцию нормативных систем К. Альчуррона и Е. Булыгина, автор критикует отдельные положения отечественных теоретиков о системности права и предлагает более тщательную разработку юридической терминологии.

Ключевые слова: позитивное право, системность, единство права, правовая система, нормативные системы, правопорядок.

Системность, целостность права как нормативного регулятора социальных отношений рассматривается большинством отечественных правоведов как самоочевидная данность, не требующая дальнейших доказательств. Логика рассуждений сводится, как правило, к следующему: если право должно выполнить регулирующую функцию в обществе, оно может это сделать только как системное единство. К сожалению, кроме расплывчатых метафор, которыми пестрят советские и постсоветские научные работы по теории права, не приводится никаких доказательств тому, что «должный» образ права как системного единства каким-либо образом транслируется в позитивное право, т. е. в действующий правопорядок, и что этот правопорядок также обладает свойствами «системности». Можно встретить множество утверждений, наподобие следующего: «системность — не искусственный, надуманный признак права, а его неотъемлемое, атрибутивное свойство, обусловленное, как и само право, объективной необходимостью и системным характером регулируемых и охраняемых им общественных отношений»¹. Понятно, что если

* Данное научное исследование (№14-01-0022) выполнено при поддержке Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2014/2015 гг. Автор благодарит доцента кафедры логики философского факультета СПбГУ к. ф. н. Е. Н. Лисанюк и почетного профессора юридического факультета Университета Буэнос-Айреса Е. В. Булыгина за ценные замечания, высказанные автору при подготовке данной статьи.

¹ *Дуюнов В. К.* Системность как необходимая предпосылка эффективности российского уголовного законодательства // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2007. № 2. С. 56.

право «обусловлено объективной необходимостью» и отражает системные связи окружающей действительности (в том смысле, в котором для марксистов правовая «надстройка» отражает необходимый «базис» производственных отношений), то оно, по определению, не может не быть упорядоченным, цельным, последовательным и беспробельным, т. е. оно необходимо «отражает» структуру социальной действительности, которая не имеет ни пробелов, ни иных логических дефектов.

Но любой юрист в любом правопорядке знает, что право, с которым он работает, не «отражает» объективную необходимость, что степень и уровень упорядоченности правовых норм, институтов, практик зависят от творческой деятельности юристов, их мастерства и используемой техники. Основополагающей методологической ошибкой веры в «системность» права является забвение закона Юма, согласно которому недопустимо из суждений о том, что нечто должно быть, выводить, что нечто имеет место (и наоборот). Никто не будет отрицать здравости и легитимности требования, что право (как в смысле «системы права», так и в смысле «правовой системы») должно быть единым, последовательным, непротиворечивым, упорядоченным. Но принятие такого модального требования («нечто должно быть») никоим образом не может привести к констатации того, что это нечто («системность права») имеет место быть².

Только логическая (но не обязательно нормативная, социальная или биологическая) система необходимо является замкнутой, полной и беспробельной — иначе она уже не будет собственно логической системой в полном смысле, поскольку в противном случае из нее могут быть выведены логически некорректные следствия. Но право нельзя характеризовать как логическую систему именно по причине его фактической неполноты, которая на практике заполняется индивидуальным правотворчеством конкретных правоприменителей³.

Нет ничего удивительного, что авторы (составители) законов и иных нормативно-правовых актов стремятся к тому, чтобы предста-

² См.: Альчуррон К. Э. и др. Нормативное знание и истина // «Нормативные системы» и другие работы по философии права и логике норм / К. Э. Альчуррон, Е. В. Булыгин, П. Герденфорс, Д. Макинсон. СПб., 2013. С. 302–317.

³ Ср.: Чистое учение о праве Ганса Кельзена: Сб. переводов. М., 1988. Ч. 2. С. 69–102; Тропер М. Реалистическая теория толкования // Сравнительное конституционное обозрение. 2006. № 1. С. 136–143.

вить собранный в соответствующих актах материал как единое смысловое целое, одновременно прикладывая усилия к тому, чтобы эти акты по возможности полностью вписались в существующий массив действующего права. Но с учетом ограниченности знания и мышления отдельно взятого индивида трудно ожидать, что каждый создаваемый нормативно-правовой акт будет системным в логическом смысле (т. е. не будет содержать в себе противоречий, пробелов, избыточных правоположений) и будет полностью вписываться в «логику» правопорядка (т. е. не возникнет коллизий с другими нормативными актами). Это подтверждается и юридической практикой, которая свидетельствует о том, что редко когда можно встретить идеальный юридический текст, полно и непротиворечиво регулирующий тот или иной вопрос. Тем менее можно ожидать, что попытка автора-составителя законопроекта встроить создаваемый им правовой текст в действующий правопорядок увенчается полным успехом. Правопорядок не останавливается в своем динамическом развитии и любой, даже идеальный, закон уже в следующий момент после его принятия окажется в новых нормативных условиях, создаваемых не только законотворческой, но и правоприменительной, доктринальной, интерпретационной и иными практиками. Можно с большой долей уверенности (с учетом невозможности для разработчика проекта закона охватить мыслью все фактические и логические следствия этого закона) утверждать маловероятность того, что каждый создаваемый нормативно-правовой акт будет отвечать требованиям логической системности (полнота, беспробельность, непротиворечивость), и с еще большей долей вероятности утверждать, что множество этих нормативно-правовых актов (правопорядок, «система права») также не будет обладать данными свойствами.

Совершенно обосновательно видеть в тезисе о системности права залог нормативности права⁴. Полисеманτικότητα, «открытая текстура» (Г. Л. А. Харт) права, изменчивость и бесконечное многообразие социальной реальности и, собственно, сама непрекращающаяся деятельность по обновлению правовых текстов (отмена старых и введение новых, различные варианты истолкования и проч.) обуславливают невозможность заранее просчитать все след-

⁴ Такова позиция, напр.: *Байтин М. И.* Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков). М., 2005. С. 44–58.

ствия, которые вытекают из введения в правопорядок каждой новой нормы⁵.

Но если можно утверждать об ограниченности способности субъектов правотворчества к созданию идеальных кодексов, то есть ли концептуальные основания предполагать, что представители юридической науки, занятые «систематизацией» (упорядочиванием) права, будут свободны от данного ограничения? Представляется, что нет. Ставя себе задачу создания цельного смыслового блока правовых текстов, в котором будут ликвидированы пробелы, противоречия и повторы, «систематизаторы» (законодатели, юристы, правоведы и др.) по тем же самым основаниям (вариативность социальной среды, открытая текстура права, ограниченность субъективного горизонта мышления и т. п.) не смогут полностью просчитать следствия из тех наборов правовых предписаний («кодексов» в логическом смысле), которые они создают. Возможно, создаваемое ими множество будет более «системным», т. е. в нем будет меньше перечисленных логических пороков, но рассчитывать, что таких пороков (в том числе и производных, связанных с последующим развитием общества) не будет вообще, было бы иллюзией. Поэтому, как не парадоксально, деятельность по «систематизации» (объективного) права не может, с одной стороны, привести к созданию системного множества (полной, непротиворечивой и избыточной целостности правовых норм и принципов). С другой стороны, если бы право было «системой», то деятельность по «систематизации системы» представляла бы собой логический нонсенс⁶. Разумеется, открытость текстуры права не означает отрицания необходимости деятельности по упорядочиванию (объективного) права — такое признание лишь позволяет сформулировать более реалистичные границы возможностей «систематизации», которая преследует идеал права как логической системы, но которая никогда этот идеал реализовать не сможет. Допущение «системных» возможностей права может быть сопоставлено с идеей о том, что мы способны видеть себя и свое состояние с некоторой объективной «точки зрения Бога», по удачному выражению Х. Патнема⁷. Такой

⁵ См.: Булыгин Е. В. Право и время // «Нормативные системы» и другие работы по философии права и логике норм. С. 285–301.

⁶ См.: Антонов М. В. О системе и отраслях законодательства // Право и экономика. 2011. № 3. С. 53–58.

⁷ См.: Патнем Х. Разум, истина и история. М., 2002. С. 70 и далее.

метафизический реализм, лежащий в основе учения о системности права, с трудом приемлем с научной точки зрения.

Можно, следовательно, признать, что правопорядок нередко конструируется юристами исходя из идеала системы, в связи с чем формулируются общеправовые принципы («правила замыкания») и коллизионные правила. В этом аспекте предполагается, что позитивное право должно быть логически полным и непротиворечивым, последовательно замкнутым на признаваемые тем или иным правопорядком принципы — здесь очевидна аналогия с логической системой, которая всегда замкнута на какую-то операцию или алгоритм, позволяющий генерировать новые элементы системы из уже имеющих в ней элементов. В этой перспективе можно объяснить претензию каждого правопорядка на закрытость (в смысле независимости правового регулирования от внешних факторов — других нормативных регуляторов, иностранного или международного влияния) и, в этом смысле, на «системность»⁸.

Идея систематизации всего правопорядка в целом связана с рационалистической философией эпохи Просвещения, которая исходила из идеальной модели законодателя, способного своим разумом охватить все возможные ситуации и своей волей создать исчерпывающие кодексы поведения во всех таких ситуациях⁹. Именно на этой идее основана попытка транслировать идеальный образ должного «системного» состояния права в утверждение о «системности» права. То, что эти идеальные модели в европейской правовой традиции с XIX века оказывают влияние на деятельность юристов и парламентариев по созданию кодексов, претендующих на всеобъемлющее регулирование, не вызывает сомнений¹⁰. Вместе с тем, редко когда упорядочивание (систематизация) осуществляется на уровне всего правопорядка — чаще всего она происходит на уровне отдельных блоков нормативного материала (отраслевые, институциональные аспекты организации этого материала), в связи с толкованием права¹¹. Поэтому здесь обнару-

⁸ См.: Альчуррон К. Э., Булыгин Е. В. О понятии правового порядка // «Нормативные системы» и другие работы по философии права и логике норм. С. 211–222.

⁹ См.: Булыгин Е. В. К проблеме объективности права // Проблемы философии права. 2005. Т. III. № 1–2. С. 7–13.

¹⁰ См.: Михайлов А. М. Генезис континентальной юридической догматики. М., 2012. С. 450–454.

¹¹ См.: Аарньо А. Систематизация и интерпретация законов // Проблемы философии права. 2006–2007. Т. IV-V. С. 135–148.

живается расхождение между недостижимым идеалом (создание полной и непротиворечивой системы всех норм правопорядка) и практической деятельностью по реализации этого идеала. В рамках этой практической деятельности происходит создание кодексов, организующих в нормативные множества только отдельные фрагменты правопорядка, либо создание микросистем, организующих отдельные элементы нормативно-правового множества в модели, регламентирующие поведение в одной или нескольких схожих ситуациях (институты и проч.)¹².

В плане критериев упорядочивания нормативно-правового материала советская и постсоветская теоретическая юриспруденция исходит из выделения предмета и метода правового регулирования как критериев деления явлений правовой действительности по группам (отраслям, институтам и т. п.), т. е. построения «системы права». Под влиянием объективистских установок марксистско-ленинской философии (вспомним, к примеру, высказывание К. Маркса о том, что «законодательная власть не создает закона, — она лишь открывает и формирует его»¹³) в юриспруденции советского времени возникло убеждение в том, что структурные деления в праве имеют объективное основание в типологии общественных отношений и в способах их юридической регламентации, что вполне объяснимо в терминах вульгаризированной диалектики базиса и надстройки.

Но этот подход, сформулированный в конце 1930-х годов на основе очевидных идеологических посылок, не позволяет адекватно отразить реальное строение системы права, поскольку под видом объективных закономерностей деления правового материала он вводит субъективные критерии («специфику» общественных отношений, «особенности сочетания» методов правового регулирования и проч.). Называть эти деления «объективными» можно только в переносном смысле, либо же в аспекте марксистско-ленинской гносеологической концепции отражения, постулаты которой, мягко сказать, далеки от очевидности и плохо применимы к правовой материи¹⁴. По сути, примени-

¹² См.: *Альчуррон К. Э., Булыгин Е. В.* Нормативные системы // «Нормативные системы» и другие работы по философии права и логике норм. С. 162–180.

¹³ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 1. М., 1955. С. 285.

¹⁴ Среди многочисленных попыток советских юристов применить марксистскую гносеологию к праву ср., напр.: *Черданцев А. Ф.* Специфика правового отражения // Правоведение. 1973. № 2. С. 100–108.

тельно к «предмету» и «методу» правового регулирования речь идет о категориях, используемых правоведами для достижения согласия при проведении границ между областями права. Рассуждения о «предмете» и «методе» лишь отражают конвенции правоведов, но не дают критерия для оценки корректности этих конвенций. В качестве таких критериев, разумеется, нет смысла рассматривать бесконечные и безрезультатные споры о том, обладает ли некое общественное отношение «спецификой», или о том, имеет ли место в том или ином наборе правовых норм «уникальное» сочетание императивного и диспозитивного методов регулирования. Если же признать, что «предмет» и «метод» конвенциональны, то возникают обоснованные сомнения в экспликативной ценности этих категорий, поскольку вместо того, чтобы дать правоведам научную опору для деления правового материала, они лишь создают иллюзию наличия подобной опоры¹⁵.

Структурирование права можно осуществлять не через элементарный логический силлогизм, беря в качестве критерия типаж социальных отношений или особенности регулирования, что неизбежно приводит к субъективизму, который прячется под личиной объективности синтаксического представления о выводимости следствий для конкретной жизненной ситуации из абстрактного нормативного высказывания. В. Д. Титов мастерски описывает этот силлогистический подход: «Под предлогом необходимости придерживаться примера логики естествознания, как якобы единственно научной формы логики, юридической теории и практике навязывался вероятностный стандарт, который игнорировал специфику сложности творчества и правоприменения»¹⁶.

Сравнительный анализ логических следствий из применения норм к этим ситуациям, вкупе с сопоставлением юридически релевантных признаков социальных ситуаций и их «решений» (алгоритмов должного поведения) между собой позволяет создать семантическую модель и, при помощи логических связей, конъюнктивно или дизъюнктивно формировать логические сочетания нормативных множеств как базу для дальнейшего деления объективного пра-

¹⁵ См.: Антонов М. В. Систематизация права: в поисках эффективности // Классическая и постклассическая методология развития юридической науки. Минск, 2013. С. 64–75.

¹⁶ Титов В. Д. Взаимосвязи логики и права: история и современность // Homo philosophans. Сборник к 60-летию профессора К. А. Сергеева. СПб., 2002. С. 416.

ва. Теория нормативных систем дает возможность также отделить ситуации пробелов как логических дефектов правовых установлений от тех случаев, когда к пробельности права апеллируют для того, чтобы показать свое несогласие с ценностным выбором, сделанным законодателем в пользу той или иной модели регулирования¹⁷.

К нормативным множествам с точки зрения теории нормативных систем можно отнести любую группу норм (нормативных высказываний, предложений, предписаний), которая регламентирует ту или иную типичную практическую ситуацию и имеет один и тот же набор непротиворечивых логических следствий. Это делает возможной разработку алгоритма оценки правовых текстов с точки зрения логических дефектов (пробельности, избыточности, противоречивости), включая анализ семантических моделей, посредством которых логические значения приписываются нормативным предложениям, выражающим нормы некоторого действующего кодекса. Такие модели представляют собой абстрактные описания случаев, при помощи которых из нормативных множеств можно получать логические следствия, выступающие в качестве решений, и сравнивать (юридически) релевантные свойства каждой урегулированной правом типичной социальной ситуации с такими же свойствами других ситуаций¹⁸.

Такой анализ позволяет делить объективное право с помощью логических приемов, альтернативных категориям «предмета» и «метода» правового регулирования, используемым в советской и постсоветской юриспруденции. Подобная логическая группировка не обязательно должна заменить «предметно-методную» или иную классификацию, принятую юридическим сообществом и/или закрепленную в позитивном праве. Следует при этом отметить, что идеи, аналогичные теории нормативных систем, выдвигались и советскими правоведом. В частности, С. С. Алексеев небезосновательно полагал, что регулятивную функцию выполняют не столько нормы права, сколько их конгломераты, что первичными единицами системы права являются именно эти регулирующие нормативные комплексы, а «структура таких комплексов на микроуровне воспроизводит структуру правовой системы в целом»¹⁹. Вместе с тем, характерные для

¹⁷ См.: *Альчуррон К. Э., Булыгин Е. В.* Нормативные системы // «Нормативные системы» и другие работы по философии права и логике норм. С. 122–140.

¹⁸ См.: там же. С. 99–122.

¹⁹ *Алексеев С. С.* Теория права. М., 1994. С. 8.

большей части советской и российской юриспруденции попытки основать логический анализ права на диалектическом материализме не могут, как представляется, быть признаны успешными²⁰. Использование в постсоветской юриспруденции упомянутых выше методов аналитической философии права, известных и достаточно широко распространенных в западной теории права, дает одну из возможностей для сближения с западной правовой наукой²¹. Эти идеи могут стать теоретическим фундаментом для разработки более удачных концептуальных схем, чем распространенные представления о системности права.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аарньо, А.* Систематизация и интерпретация законов // Проблемы философии права. 2006–2007. Т. IV-V. С. 135–148.
2. *Алексеев, С. С.* Теория права. М., 1994.
3. *Альчуррон, К. Э. и др.* Нормативное знание и истина // «Нормативные системы» и другие работы по философии права и логике норм / К. Э. Альчуррон, Е. В. Булыгин, П. Герденфорс, Д. Макинсон. СПб., 2013.
4. *Альчуррон, К. Э. и др.* Нормативные системы // «Нормативные системы» и другие работы по философии права и логике норм / К. Э. Альчуррон, Е. В. Булыгин, П. Герденфорс, Д. Макинсон. СПб., 2013.
5. *Альчуррон К. Э. и др.* О понятии правового порядка // «Нормативные системы» и другие работы по философии права и логике норм / К. Э. Альчуррон, Е. В. Булыгин, П. Герденфорс, Д. Макинсон. СПб., 2013.
6. *Антонов М.В.* О системе и отраслях законодательства // Право и экономика. 2011. № 3. С. 53–58.
7. *Антонов, М. В.* Систематизация права: в поисках эффективности // Классическая и постклассическая методология развития юридической науки. Минск, 2013. С. 64–75.
8. *Антонов М. В.* Проблематика системности права в «Нормативных системах» // Конфликтология. 2011. № 4. С. 109–117.
9. *Антонов М. В., Лисанюк Е. Н., Перов В. Ю.* Нормы и нормативные системы в философии, праве и информатике // Правоведение. 2011. № 5. С. 237–247.

²⁰ Ср., напр.: *Бабаев В. К.* Советское право как логическая система. М., 1978; *Сырых В. М.* Логические основания общей теории права. В 3 т. М., 2000, 2004, 2007.

²¹ См.: *Кнапп В., Герлох А.* Логика в правовом сознании. М., 1987. С. 177–220; *Антонов М. В., Лисанюк Е. Н., Перов В. Ю.* Нормы и нормативные системы в философии, праве и информатике // Правоведение. 2011. № 5. С. 237–247; *Антонов М. В.* Проблематика системности права в «Нормативных системах» // Конфликтология. 2011. № 4. С. 109–117.

10. *Бабаев, В. К.* Советское право как логическая система. М., 1978.
11. *Байтин, М. И.* Сущность права (современное нормативное правовое понимание на грани двух веков). М., 2005.
12. *Булыгин Е.В.* К проблеме объективности права // Проблемы философии права. 2005. Т. III. № 1-2. С. 7–13.
13. *Булыгин, Е. В.* Право и время // «Нормативные системы» и другие работы по философии права и логике норм / К. Э. Альчуррон, Е. В. Булыгин, П. Герденфорс, Д. Макинсон. СПб., 2013.
14. *Дуонов, В. К.* Системность как необходимая предпосылка эффективности российского уголовного законодательства // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2007. № 2.
15. *Кнапп В., Герлох А.* Логика в правовом сознании. М., 1987.
16. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 1. М., 1955.
17. *Михайлов, А. М.* Генезис континентальной юридической догматики. М., 2012.
18. *Патнем, Х.* Разум, истина и история. М., 2002.
19. *Сырых, В. М.* Логические основания общей теории права. В 3 т. М., 2000, 2004, 2007.
20. *Титов, В. Д.* Взаимосвязи логики и права: история и современность // Номо philosophans. Сборник к 60-летию профессора К. А. Сергеева. СПб., 2002.
21. *Тропер, М.* Реалистическая теория толкования // Сравнительное конституционное обозрение. 2006. № 1. С. 136–143.
22. *Черданцев, А. Ф.* Специфика правового отражения // Правоведение. 1973. № 2. С. 100–108.
23. Чистое учение о праве Ганса Кельзена: Сб. переводов. Ч. 2. М., 1988.

M. V. Antonov

*National Research University «Higher School of Economics»
(Saint-Petersburg)*

THEORETICAL ALTERNATIVES OF LAW SYSTEMATIZATION (ON LOGIC OF NORMATIVE SYSTEMS)

Abstract. In the present paper the author examines the problem of systemacity of law, analyzes the ways in which the normative material is structured. Basing on the conception of normative systems by C. Alchourron and E. Bugygin, the author criticizes some assertions made by Russian legal theoreticians about systemacity of law and calls for a more nuanced approach to elaboration of legal terminology.

Key words: positive law, systemacity, unity of law, legal system, normative systems, legal order.